

ПАМЯТИ ДРУГА — НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЕМЕЛЬЯНОВА

14 января 2010 г. в 23 часов 10 минут после тяжелой болезни на семьдесят первом году жизни отошел ко Господу декан факультета прикладной математики и информатики ПСТГУ, доктор технических наук, профессор Николай Евгеньевич Емельянов.

Н. Е. Емельянов родился 18 августа 1939 г. в Ленинграде в семье инженеров-радиотехников Евгения Алексеевича Емельянова и Татьяны Карповны Мелик-Акоповой. Отец Николая Евгеньевича умер, когда сыну было 12 лет. На духовный облик мальчика большое влияние оказали бабушка Надежда Константиновна и няня — Александра Степановна Белозерова, бывшие верующими людьми. Гораздо позже Николай Евгеньевич узнал, что бабушка его происходит из старого священнического рода Грацианских, что двое из его предков были протоиереями Казанского собора в Санкт-Петербурге.

После смерти отца особое влияние на жизнь Коли Емельянова оказал старый профессор электротехники Иван Алексеевич Черданцев, перед войной арестованный без какой-либо вины и на 10 лет заключенный в «шарашку», находившуюся в подмосковном поселке Кучино. Отбывая заключение, он потерял жену и маленького ребенка, умерших «на свободе», о чем Иван Алексеевич узнал далеко не сразу. Оставшись на свете абсолютно одиноким, работая над оборонными проектами в «ученой» тюрьме, он обрел веру в Бога, стал молиться и, выйдя на свободу, остаток своей жизни отдал Церкви и помощи ближним. Но еще в заключении он познакомился с Евгением Алексеевичем Емельяновым, работавшим после эвакуации из Ленинграда в той же «шарашке» в качестве вольнонаемного. В последние годы Иван Алексеевич был расконвоирован и мог бывать

у Емельяновых дома. Ему полюбился осиротевший мальчик Коля, который стал называть его «дедушкой». Дедушка с радостью занимался с Колей математикой, физикой, постепенно вложил в его душу мысли о Боге. По совету дедушки Коля через несколько лет поступил на мехмат МГУ, стал интересоваться древнерусским зодчеством, в 1962—1964 гг. он был ответственным секретарем молодежного клуба «Родина», в котором активно трудился, спасая от гибели еще оставшиеся православные храмы. Всю жизнь он вспоминал те годы, путешествия и усилия, направленные к спасению «памятников культуры». В течение десятков лет он каждый год водил большую ватагу детей в Радонеж, рассказывал о преподобном Сергии и о том, как вместе с товарищами очищал радонежский храм от навоза и мусора. Большое впечатление в те годы произвел на Колю замечательный архитектор Петр Дмитриевич Барановский, спасший храм Василия Блаженного от уничтожения (за что отбыл свой срок в лагерях).

В 1960 г., 20 февраля, Николай Евгеньевич вступил в брак с Оксаной Васильевной Занченко, также учившейся на мехмате. Вскоре у них родилась дочка Аня.

В 1961 г. Николай Евгеньевич окончил механико-математический факультет МГУ. Потом работал в Институте теоретической и экспериментальной физики, Физическом институте, Институте проблем управления АН СССР. В течение более 30-ти лет являлся заведующим лабораторией банков данных Института системного анализа РАН.

В 1989 г. защитил докторскую диссертацию «Проблемы автоматизации программирования документного интерфейса с базами данных». Награжден премией Совета Министров СССР за разработку и внедрение программного обеспечения информационных систем и банков данных (1990). Разработанное под руководством Н. Е. Емельянова программное обеспечение использовалось более чем в 2000 организаций по всему СССР. Более 20-ти лет он читал различные учебные курсы в Московском институте стали и сплавов (государственный университет), в Институте нефти и газа (государственный университет) и других вузах России и за рубежом, подготовил несколько тысяч студентов. В 1991 г. стал профессором, в 2002 г. — почетным работником высшего профессионального образования. К концу жизни накопилось около двухсот научных работ и публикаций, подготовленных Николаем Евгеньевичем самим или совместно с учениками, а в одной из посмертных статей Николай Евгеньевич был назван «человеком — легендой российских СУБД».

С молодого возраста Николай Евгеньевич обнаруживал особенное влечение к Православию и любовь к русской истории. Но долгое время он оставался некрещеным, т. к., подобно святому Григорию Богослову, сознавал себя неготовым. Уже крестилась его супруга, а он, давно уже уверовавший в Бога и по душе будучи православным христианином, все не решался. Наконец, в 1968 г. близкий друг, Влад Свешников (так тогда именовался в кругу своих друзей нынешний доктор богословия, протоиерей Владислав Свешников), уговорил Колю поехать в Закарпатье, в маленькое село Уголька, к известному старцу, ныне прославленному в лике святых, архимандриту Иову (Кундре). Отец Иов сразу по приезде 6 ноября крестил Николая Евгеньевича, оставив в его сердце неизгладимую благодарную

память и любовь. Потом Николай Евгеньевич бывал вместе с близкими друзьями Николаем Николаевичем Третьяковым, Николаем Сергеевичем Фуделем, Владиславом Васильевичем Свешниковым, Алексеем Алексеевичем Барминым у протоиерея Александра Ильина в Новгороде, у Сергея Иосифовича Фуделя в Покрове, у архимандрита Иоанна (Крестьянкина) в Псково-Печерском монастыре. У отца Иоанна они с Владом спрашивали про священство, старец сказал Николаю Евгеньевичу: «Вы пока воспитывайте свою семью». 19 декабря, в день своего Ангела, меньше, чем за месяц до кончины Николай Евгеньевич, заканчивая свой рассказ о той поездке к отцу Иоанну и о его благословении, сказал: «Вот я и воспитал свою семью». Семья Николая Евгеньевича в этот момент состояла из 43 человек: шестеро детей, обзаведясь своими семьями, растят 29 внуков, трое сыновей стали протоиереями, средняя дочь — матушкой, старшая — математик, заместитель декана факультета Прикладной математики и информатики ПСТГУ, замужем за профессором математики МГУ, младшая — замужем за генеральным директором крупной фирмы. Все — православные, церковные люди, бесконечно любящие своего отца и дедушку. Да и как было не любить его? Как-то на вопрос: «Вы наказывали своих детей?» — он ответил: «Я не наказывал своих детей, возвращаясь с работы домой, я всегда думал, чем мне их порадовать». Николай Евгеньевич, сколько я его помню в ту пору, всегда уходил на работу утром в 9 часов и возвращался в 9 часов вечера. Бывало он, придя домой, видит, что мойка на кухне наполнена грязной посудой. Это было неудивительно, потому что Оксана весь день одна управлялась с шестью детьми и, конечно, не успевала, выматывалась. Николай Евгеньевич незаметно начинал быстро мыть посуду. «Папа! Зачем ты это делаешь? Мы сами все вымоем, садись лучше ужинать», — подбегала к нему уже подросток Анечка. «Да это мое любимое занятие!» — бодро и радостно отвечал папа после тяжелого трудового дня. Каждую свободную минуту он всегда отдавал детям, которых нежно и самозабвенно любил. Он с ними гулял, рисовал, разговаривал на самые разные темы, очень любил собрать вместе свою семью и близких друзей и петь хором старые русские песни. Николай Евгеньевич сумел передать детям не только свою горячую веру, но и удивительную любовь к России. Каким по значению подвигом в его жизни стало послушание старцу отцу Иоанну Крестьянкину?

Мы с Колей Емельяновым познакомились у «дедушки» — Ивана Алексеевича Черданцева на даче, на «42 километре» по Казанской дороге, куда Иван Алексеевич вернулся после «отсидки» и реабилитации в 1956 г. — конфискованную дачу ему вернули только после смерти Сталина и XX съезда КПСС. Наша дача была через три участка, и мы сразу заметили появление несоветского старичка-профессора с большой седой бородой и замечательным лицом. Позвали его в гости, они с моей мамой вспомнили старое знакомство, и началась наша «дружба»: Иван Алексеевич с такой любовью именно дружил с молодежью, что трудно не употребить здесь это неподходящее слово — ему было, наверное, за семьдесят, а мне пятнадцать. Все наше общение, все разговоры были о вере, о Церкви, о духовной жизни. Вскоре он познакомил меня со своим любимым внуком — Колей. Первые годы мы встречались от случая к случаю: он был почему-то некрещеным, у него своя компания, у меня — своя. Только много лет спустя

выяснилось, что круг нашего общения был очень тесен и близок — Некрасовы, Коньшины, Фудели... В 1968 г. мы вместе хоронили Ивана Алексеевича, скончавшегося 8 января. Помню, посоветовал как-то Коле познакомиться с отцом Валерьяном Кречетовым, который недавно стал священником и в 1970 г. был назначен в Акулово к отцу Сергию Орлову, а Емельяновы в это лето жили неподалеку на даче. Кажется, в 1973 г. привел их в Николо-Кузнецкий храм к отцу Всеволоду Шпиллеру — с тех пор вся наша жизнь пошла вместе: крестили друг у друга детей, вместе их учили, вместе проводили лето. Когда в 1979 г. меня рукоположили в священника, Емельяновы сразу стали у меня исповедоваться и сразу стали называть меня на «вы». Сколько я ни просил их прекратить это, все было бесполезно, и они, теперь еще гораздо более близкие и родные, стали называть меня — «отец Владимир» и на «вы», а я, хоть и на «ты», но — все чаще не «Коля», а «Николай Евгеньевич». Емельяновы всегда ездили за мной по всем храмам, куда меня переводили, тем более — после кончины отца Всеволода 8 января 1984 г. Ольга Александровна Ветелева — дочь протоиерея Александра Ветелева — отдала им свою дачу в Отдыхе, недалеко от нашей дачи, — жизнь наша спаивалась все теснее. Потом поженились наши дети, родились общие внуки.

Когда наша старшая дочка Катя пошла в 91-ю экспериментальную школу, в эту школу стали поступать дети из нашей общины. Через несколько лет там училось около сотни православных детей. Мы стали устраивать на работу в эту школу православных учителей из нашей общины, потом организовали свою «кружковую школу» внутри 91-й. Школа имела статус экспериментальной, и поэтому удалось договориться о таком «эксперименте». Николай Евгеньевич стал директором полулегальной «кружковой школы», он же договаривался с академиком Давыдовым, который курировал 91-ю школу. Когда наступила «перестройка», мы совершили «исход» из 91-й школы и зарегистрировали свою православную «Традиционную гимназию», в которой сразу были все десять классов.

Еще раньше, в 1990 г., собравшись вместе с собратьями—священниками, мы организовали Братство во Имя Всемилостивого Спаса, бессменным председателем которого был единодушно выбран Николай Евгеньевич. За активную работу с православной молодежью Братство в лице Николая Евгеньевича в 2002 г. было удостоено премии «Обретенное поколение».

В 1991 г. мы вместе создавали Катехизаторские курсы, преобразованные в 1992 г. в Православный Свято-Тихоновский богословский институт. В 2004 г. институт получил статус университета и новое название — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ).

После перестройки Священным Синодом была создана Комиссия по реабилитации клириков и мирян, пострадавших за веру в годы советской власти. В Комиссию стали поступать письма родственников, рассказывавших о судьбе репрессированных епископов, священников, монахов. Таких писем набралось примерно две с половиной тысячи. Содержащиеся в них сведения часто были отрывочными, нечеткими и не вполне достоверными. Этим поток корреспонденции был в основном исчерпан. «Получается, что мы не храним память о наших страдальцах за веру», — говорил Николай Евгеньевич, лично знавший многих замечательных людей, пострадавших от безбожной власти, и трепетно

почитавший их. Решили просить Святейшего Патриарха Алексия передать в Свято-Тихоновский институт собранные письма и благословить нас на продолжение трудов по сохранению памяти новомучеников. Патриарх Алексей охотно согласился и по нашей просьбе обратился в ФСБ, председателем которого был тогда В. В. Путин, с ходатайством о том, чтобы сотрудники нашего института были допущены в недавно открытый архив ФСБ для выявления пострадавших за веру, уточнения их биографических данных и обстоятельств кончины. Вскоре митрополит Владимир (Сабодан), бывший тогда управляющим делами Священного Синода и возглавлявший Комиссию по реабилитации, передал нам драгоценный архив, ФСБ также ответило согласием. А Святейший Патриарх Алексей своей резолюцией благословил сосредоточить исследования по новейшей истории Русской Православной Церкви в Свято-Тихоновском институте. Мы создали соответствующий научный отдел, выбрали сотрудников для работы в архиве и скоро поняли, что обрели неисчерпаемые источники информации, — только успевай работать. Примерно в это время Николай Евгеньевич предложил создать компьютерную базу данных для накопления и упорядочения всей информации, которая стала теперь поступать к нам сплошным потоком. Для этого в составе Богословского факультета мы организовали кафедру информатики, выделили для нее крохотную комнату № 5 и назначили Николая Евгеньевича заведующим кафедрой. Николай Евгеньевич разработал на основе своей СУБД «Ника» архитектуру новой базы данных, получившей впоследствии название «За Христа пострадавшие» и устроенной таким образом, чтобы к ней можно было обращаться по ста параметрам и чтобы в ней мог храниться неограниченный объем информации. Где-то достали старые компьютеры (денег у нас тогда не было совсем), Николай Евгеньевич договорился в Академии наук о размещении там сервера, и вот у нас заработал едва ли не первый или один из первых в Русской Православной Церкви интернет-сайт www.pstbi.ru. Мы все были неучами в этой области, а Николай Евгеньевич был ведущим специалистом, имел уникальный опыт такой работы и сразу открыл свободный доступ в интернете к созданной базе данных. Необходим был администратор базы, и Николай Евгеньевич тяжело вздыхал и все повторял: «Нужно кого-то найти!» В это время ко мне на исповедь пришла скромная и молчаливая женщина с трудными житейскими проблемами. Поговорив с Николаем Евгеньевичем, я предложил ей поступить к нам на работу. С тех пор у нас появился незаменимый и несравненный администратор — Людмила Сергеевна Аристова, которую Николай Евгеньевич окружил своей тихой, незаметной заботой, вниманием и христианской любовью.

С базой данных Николай Евгеньевич работал постоянно. Он и деньги свои вкладывал, ничего никому не говоря, и сам каждый день, уже после работы приходил в 5-ю комнату, чтобы потрудиться над своей базой. Как по-детски он радовался, когда обнаруживал, что к базе обращается все больше и больше людей. Он установил счетчик и, как специалист по информатике, стал набирать всевозможную статистику, используя замечательные свойства своей базы данных. Мы постоянно узнавали, из скольких стран мира и сколько запросов сделано к нашей базе, сколько выявлено новых страдальцев за веру, сколько из них выпускников Московского или какого-нибудь другого университета, сколько выпус-

кников разных Духовных академий стали новомучениками и т. д. Николай Евгеньевич устанавливал связи с исследователями в разных епархиях, постоянно следил за новыми изданиями и сам просматривал все доступные новые книги, особенно старался собрать сведения о пострадавших за веру епископах, проследить их судьбы. Чем дальше, тем больше он погружался в свою новую тему. В последние годы почти все его публикации посвящены пострадавшим за Христа, можно сказать, непреодолимая сила влекла и приковывала его к подвигу новомучеников. Он постоянно думал о них, говорил об их страданиях и — это было очевидно — страдал вместе с ними. Когда он выступал с очередным докладом на какой-либо конференции, а он старался везде и всюду говорить о подвиге новомучеников, он с такой глубиной и силой переживал их подвиг, что не мог удержаться слез.

Всем сердцем желая сохранить и распространить память о новомучениках, Николай Евгеньевич написал программу, выбирающую из базы данных на каждый день года всех пострадавших за Христа, убиенных и скончавшихся в этот день, прославленных в лике святых и непрославленных. Эти списки автоматически рассылались по храмам, подписавшимся на рассылку. Работая над базой данных, Николай Евгеньевич нарисовал компьютерный график: по вертикальной оси откладывалось число репрессий, по горизонтали — годы XX века. На получившейся кривой четко обозначились пики — волны репрессий. Каждая волна соответствовала какому-либо мероприятию Советской власти: гражданская война, изъятие церковных ценностей и обновленчество, Декларация митрополита Сергия и всесоюзное дело об «Истинно Православной Церкви», наконец, 1937-й год. Когда прошло некоторое время и база данных выросла на несколько тысяч персоналий, Николай Евгеньевич снова построил свой график. Он оказался точным подобием первого. Через несколько лет повторилось то же самое. Тогда, в соответствии с теорией информации, Николай Евгеньевич мог утверждать: раз при увеличении числа статистически обследованных объектов картина не меняется, значит, найден математически точный закон, описывающий исследуемое явление. Теперь, зная соотношение действительно репрессированных и обнаруженных нами пострадавших в каком-то конкретном году, мы можем построить нашу кривую для всего советского периода и оценить реальное суммарное количество жертв советских репрессий. Такая оценка была произведена и позволила утверждать, что число людей, пострадавших именно за православную веру, превосходит полмиллиона. Кроме того, график репрессий имел характерный вид кривой автовозбуждения (резонанса), что означает неминуемое саморазрушение системы. Результаты работы Николая Евгеньевича были неоднократно доложены на разных конференциях и опубликованы даже в итальянской прессе под интригующим и справедливым названием: «История, написанная компьютером».

К базе данных с каждым годом обращалось все больше людей, в последние годы — со всех континентов из ста стран мира. Многие благодарили за то, что смогли в базе данных найти своих пропавших родственников, узнать их судьбу. В течение многих лет Николай Евгеньевич констатировал, что количество вновь открытых храмов в Русской Православной Церкви приблизительно совпада-

ет с количеством страдальцев за веру, вновь найденных и появившихся в базе данных. Он считал это символическим подтверждением известных слов Тертуллиана: «Кровь мучеников — семя Церкви»: сколько страдальцев за Христа мы нашли и увековечили их память, столько Господь помог нам построить храмов. Теперь база данных насчитывает более 33 тысяч пострадавших, она стала уникальным информационным ресурсом — памятником нашим подвижникам и неустанно, самоотверженно прославлявшему их Николаю Евгеньевичу Емельянову. Невозможно переоценить значение этой базы и для новейшей истории Русской Православной Церкви.

В последние годы в ПСТГУ под руководством Николая Евгеньевича была разработана и стала развиваться «База данных памятников восточно-христианского искусства», уже сейчас ставшая незаменимым пособием при изучении православной иконы, мозаики, фрески, архитектуры храмов.

В течение своей жизни Николай Евгеньевич очень много ездил и в разные концы России, и в разные страны мира. Мы вместе бывали в Оптиной пустыни, в Кириллово-Белозерском монастыре и в скиту преподобного Нила Сорского, в Киеве, в Крыму, на Валааме, неоднократно — на Соловках, на Колыме, на Алтае, на Байкале, в Грузии, много раз — на Афоне. Ему все было интересно, всюду он находил много хорошего и всегда радовался, чутко замечая что-либо хорошее в людях. Особенно он чувствовал красоту Божьего мира. Николай Евгеньевич всегда выходил смотреть закат, всегда находил точку обзора и любовался открывающейся панорамой. И везде он искал и часто находил следы судеб мучеников. Так, приехав в первый раз на Афон, он стал узнавать, много ли новомучеников — афонских монахов там знают. Выяснив, что этот вопрос никому не приходил на ум, Николай Евгеньевич разыскал в своей базе данных всех выходцев с Афона и сообщил в Пантелеймонов монастырь целый список имен уже прославленных страстотерпцев-афонитов и тех из них, кто еще не был прославлен. В сентябре прошлого года последний раз вместе отдыхая на Афоне в скиту «Новая Фиваида», мы радовались тому, что Николай Евгеньевич снова «ожил» после тяжелого лечения, ходил на море, поднимался на горку, любовался афонскими видами, обсуждал всевозможные проблемы, читал стихи...

В последние годы Николай Евгеньевич много и тяжело болел. Всегда — тихо, смиренно и кротко терпел свои немощи, доставлявшие ему все большие страдания. То тромбы и операция, то сердце, то давление, то опухоль мозга и снова тяжелая операция, потом злокачественная опухоль на лице, тяжелейшая операция, осложнения, облучение, химиотерапия... Может быть, тяжелые, мучительные болезни, постепенно все более неотступно налегавшие на него, подтачивавшие его телесные и духовные силы, заставили его в последние годы внутренне согнуться, какая-то тень уныния легла на его лицо. Николай Евгеньевич всегда очень серьезно относился к исповеди, строго проверяя себя, хотя ему в общем-то не в чем было каяться. Но вот в последние годы мне приходилось просить его: «не унывай». Не получалось — слишком было ему трудно. Когда ему делалось все хуже и хуже, я сказал ему: «Николай Евгеньевич, сейчас самое главное для тебя — справиться с унынием, ведь унывать — это грех. Твои болезни Господь посылает тебе во спасение, только надо принять их благодушно и кротко, как

ты умеешь, и ни в коем случае не унывать — мы же верим в жизнь будущего века вместе с мучениками». И Николай Евгеньевич победил уныние, стал радостным и спокойным. В одно из последних моих посещений, кажется, уже в реанимации он вдруг сам тихо сказал мне: «Я не унываю», и лицо его осветилось благодатным светом. А страдал он в последние недели очень тяжело, но, как всегда, кротко и смиренно предавал себя в волю Божию, без тени ропота, без жалоб претерпевая реанимационные предписания. Каждый день его причащали святыми Христовыми Тайн. Господь провел Николая Евгеньевича через подвиг его любимых святых — мучеников и дал ему венец правды. Все, кто были на его отпевании, почувствовали, что провожали праведника, что Господь принял его со славой.

Ни одно большое начинание в жизни Свято-Тихоновского богословского института, потом — Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Спасского братства, прихода Николо-Кузнецкого храма не проходило без активного участия Николая Евгеньевича и его большой семьи. Всегда мирный, скромный и смиренный, готовый всем помочь, любящий Бога, Церковь и ближних, он был в центре жизни нашей общины. Его с любовью называли «отцом отцов», т. к. три его сына и зять служат в священном сане. Он был награжден патриаршими наградами: Орденом Благоверного князя Даниила Московского 2-й степени, Медалью и Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3-й степени.

В отпевании, состоявшемся в Николо-Кузнецком храме 16 января 2010 г., приняли участие более тридцати священников. Похоронен Николай Евгеньевич на Кузьминском кладбище г. Москвы.

Протоиерей Владимир Воробьев